

мен 6-7 см, алақандай бөлме – көлемі жағынан кішкентай болу, басы қазандай – үлкен бас, қарны қабақтай – іші үлкен, семіз, ат жақты – беті сопақ дегенді білдірген. Көп жағдайларда қазақ халқы әсіресе ұзындықты білдіретін өлшем бірліктерін дәл бермесе де

Неміс тілі

Er ist um eine Pferdelänge voraus.

Es ist ein Katzensprung.

Неміс тіліне қарағанда қазақ тілінде мал атауларымен байланысты ұзындықты білдіретін сөз тіркестерін қазақ халқы керек жерінде дәл қолдана білген, себебі ешбір халық үй жануарларының жасын, түрін, тұқымын, түсін қазақ сияқты дәл айқындай алмаған. Қазақ халқы малды аялағаны соншалық, тіпті оны жеті қазынасының біріне жатқызған. Мысалы **қозы көш жер, тай шаптырымдай жер, ат шаптырымдай жер, құнан шаптырымдай жер, ит арқасы қиянда, ит өлген жер** деген сөз тіркестері әр түрлі қашықтықты білдірсе, **қой үстіне бозторғай жұмыртқалаған заман, сиыр түс, бие сауым уақыт, мал өріске шығатын кез** деген сөз тіркестері уақытты білдіріп әлі күнге дейін қолданыстан түспей келеді. Сондықтан тәржімәшіге тек лингвомәдени білім аздық етеді, ол аударма тәсілдерінің қыр-сырын өте жақсы біліуі керек. Аудармашылық үлкен шеберлікті қажет етеді. Осы тұста: «Шеберлік – бір жағынан таланттылық, екінші жағынан ізденгіштік. Тәржімаға төселген тәжірибелі аудармашының шеберлігі жылдар бойы дамиды. Шеберлік аударма ісінің барлық қыр-сырын,

түспалдап мал атауларымен байланыстырып отырған, себебі мал қазақ халқы үшін күн көрістің көзі болған, тек қана қазақ халқы үшін емес неміс халқы үшін де төрт түлік малдың алатын орны ерекше болған. Мысалы:

Қазақ тілі

Ол одан ат бойы ұзап кетті.

Ол қол созым жерде.(2 қадам)

тәржімалық әдіс-тәсілдерін жетік меңгеріп, әдеби машықтанып, бай сөздік қорды жинақтап, аударылатын шығарма тілі мен өзінің ұлттық тілінің стилистикалық, лексикалық, семантикалық ерекшеліктерін бес саусақтай білген жағдайда қалыптасады [5, 22].

1. Ғабитов Г., Мүтәліпов Ж., Құлсариева А. Мәдениеттану. Алматы 2001.

2. Кожаметов К.Ж. Казахская этнопедагогика. – Алматы, 1998.

3. Переводы – мосты между культурами. – Алматы, 1999.

4. Бельгер Г. Лики слова. – Алматы «Білім», 1996.

5. Тарақов Ә.С. Аударма психологиясы және мәдениеті. Алматы, 2005.

6. Langenscheidts Grosswörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Berlin und München, 2002.

7. Koshemjako W.S., Podgornaja L.I. Deutsche Sprichwörter und russische Äquivalente. – Sankt-Petersburg, 2005.

В статье речь идет об особенностях межкультурной коммуникации в подготовке переводчиков (на материале немецкого и казахского языков).

In this article we are talking about the features of intercultural communication in the training of interpreters (based on German and Kazakh languages).

С. С. Пак

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ

Перевод - деятельность по интерпретации смысла текста на одном языке и созданию нового, эквивалентного текста на другом языке. Целью перевода является установление отношений эквивалентности между исходным и переводным текстом. В процессе перевода, вне зависимости от его формы, возникает такая трудность как декодирование или понимание (чтение, слушание) текста на исходном языке. Чтобы декодировать смысл текста переводчик должен сперва определить единицу перевода, то

есть сегмент текста (который может быть словом, фразой, одним или несколькими предложениями), который будет рассматриваться как единица смысла. Нередко требуется перевод и на уровне фонем (ниже уровня слова), и на уровнях выше абзаца. За этой, простой на первый взгляд, процедурой стоит комплексная мыслительная операция. Чтобы декодировать полный смысл исходного текста, переводчик должен сознательно и методично интерпретировать и анализировать все его особенности.

Этот процесс требует глубоких знаний грамматики, семантики, синтаксиса, идиом и других тонкостей исходного языка и его культуры. В связи с этим часто идут споры о том, являются ли определенные слова непереводаемыми. Время от времени составляются перечни таких слов. Часто в эти списки включается португальское слово *saudade*, являющееся примером сложно переводимого слова. Оно переводится буквально как «горестное стремление» или «печальная жажда», но имеет некоторые нюансы, которые сложно включить в перевод: это слово имеет позитивную оценку, что представляет собой тонкость, теряющуюся в переводе. Некоторые слова вызывают затруднения при переводе, если переводчик стремится оставаться в одной и той же грамматической категории. Еще одной проблемой для перевода является проблема логической связанности текста. Приведем следующий пример: оригинал рассказа написан на английском языке, и действие происходит в англоязычной стране. При переводе на другой язык некоторые высказывания, вроде вопроса: *Do you speak English?*, могут потерять логику. Как перевести этот вопрос: «Вы говорите по-английски?» или «Вы говорите по-русски?» В обоих вариантах ответ будет противоречив: если он будет утвердительным, то первый вариант будет подразумевать: «Да, я говорю на этом языке, но мы говорим сейчас с вами на другом языке, и ваш вопрос не несет никакой смысловой нагрузки». Во втором варианте будет воспринято примерно следующее: «Да, мы с вами в англоязычной стране, но все, включая меня, говорят по-русски».

Соотношению перевода и лингвистики в последние годы уделяется все возрастающее внимание. Работы, касающиеся этой проблемы, столь многочисленны и многообразны, что можно наметить уже общую типологию исследований, посвященных проблеме "перевод - лингвистика". Их можно разделить на три группы: 1) работы, в которых положения языкознания используются для обоснования теории и практики перевода. Таковы известные книги А. Б. Федорова, В. Н. Комиссарова, А. Д. Швейцера, Я. И. Рецкера, Л. С. Бархударова и др.; 2) работы, в которых показывается преломление общелингвистической (или общесемиотической, психолингвистической) проблематики в переводе как в особом виде речевой деятельности, как в двуязычном лингвистическом эксперименте. По этому аспекту имеется ряд представляющих интерес публикаций [1], но что касается монографий, то эта "экологическая ниша" пока

еще остается незаполненной; 3) работы, в которых сами переводы обоснованно используются для лингвистических исследований. Таковы статьи, диссертации, монографии сопоставительного характера.

Разумеется, между тремя видами исследований нет непроницаемых границ, и нередко в одном и том же труде обнаруживаются элементы исследований всех трех направлений; речь идет о господствующем направлении, о "сверхзадаче" работы. Следует также оговорить, что сопоставительные исследования не обязательно обращаются к переводам. Если сопоставление осуществляется на уровне форм или значений, то использование данных перевода отнюдь не обязательно. Однако последнее становится целесообразным, если исследуется функционирование слов или форм в речи, если сопоставление осуществляется на уровне высказываний. Например, авторы статьи "О критериях оценки перевода" ставят в упрек некоторым сопоставительным работам то, что в них "стилистическая оценка перевода либо вообще не формализуется, либо сводится к оценке выбора варианта из ряда стилистических синонимов". Но оценка перевода, изложение принципов которой является важнейшей задачей работ первого типа, отнюдь не входит в задачу сопоставительных исследований. Разумеется, исследователь-"сопоставитель" (или "контрастивист"), сравнивая перевод с подлинником, дает мысленно оценку фразам перевода. Но самый тот факт, что он приводит в своей работе данный перевод рядом с подлинником, используя его в качестве иллюстрации или основания для языковедческих выводов, свидетельствует о том, что он оценил положительно данный факт перевода во всех его аспектах - смысловом, стилистическом, прагматическом, - что он солидаризируется с переводчиком и редактором перевода (если таковой имеется). В противном случае, если перевод представляется ему неадекватным, он просто не пользуется им. В подходе к оценке перевода со стороны "переводоведа" и "контрастивиста" различие не только в том, что в первом случае оценка эксплицируется, мотивируется, причем отмечаются, если нужно, и недостатки перевода, тогда как во втором - она имплицитна (неудачные, с точки зрения исследователя, варианты не обсуждаются, как правило, но просто не приводятся). "Переводовед" оценивает весь данный отрезок текста (слово, словосочетание, предложение, сверхфразовое единство и т. п.) глобально, во всех его аспектах и взаимосвязях.

"Сопоставитель", который анализирует определенное явление, имеет право ограничиться только этим последним, пренебрегая вопросом о качестве перевода остальной части отрывка, даже опуская ее, если это не влияет на эквивалентную передачу того языкового явления, которое его интересует в данный момент.

Например, в книге "Сопоставительная лексикология" для иллюстрации контекстуальных взаимозамен центростремительных глаголов (типа получать) и центробежных (типа давать) приводится фраза из повести В. Аксенова "Апельсины из Марокко" и ее перевода, опубликованного во Франции [4]: "Уличным мальчишкам, шнырявшим под ногами, давали подзатыльники" - *Les gamins qui couraient de-ci de-la dans la foule, recevaient quelque calotte*. С переводческой точки зрения, если нас интересует оценка данного перевода, возникает вопрос о том, адекватно ли переведен экспрессивный глагол 'шнырявшим под ногами' оборотом *qui couraient de-ci de-la*, где *cougir* означает нейтральное 'бегать' и вместо 'под ногами' появилось 'в толпе', соответствует ли слово *calotte* слову подзатыльник. Однако для интересующей нас в данном случае лингвистической проблемы (корреляция получать - давать) это - побочный момент и причастный оборот с его переводным эквивалентом можно было бы вообще опустить из иллюстрации.

Таким образом, при сопоставительном исследовании оцениваются не все детали данного отрезка перевода, но это не значит, что они игнорируются вообще. Как раз сопоставительный анализ дает объективное научное обоснование, инструмент для оценки правильности многих аспектов перевода. В той же "Сопоставительной лексикологии" особые главы посвящены анализу того, что обычно включается в стилистическую окраску слова (подчеркнем, что название книги заставляет обращать внимание прежде всего на слово, а не на фразу или другие единицы языка). В разделе "Логическое и экспрессивное" показывается, что во французском языке меньше, чем в русском, "живописных" глаголов, дополняющих обозначение действия выражением экспрессивной окраски. Поэтому нередко в контексте экспрессивность в русской фразе выражена особой глагольной лексемой, тогда как во французской лексема нейтральна, а экспрессивность выражается в обстоятельствах и других элементах, а иногда выявляется лишь ситуативно. Таковы рассматриваемые там соответствия *jeter* - швырнуть (а не только бросить), *suivre qn* - поплестись (а не только последовать

за кем-л.) и др. На фоне этой общей выведенной из сопоставительных исследований закономерности представляется контекстуально вполне обоснованным перевод *шнырять* (под ногами) - *cougir* (букв. "бегать") *de-ci de-la*. Наверное, это не только контекстуальный эквивалент, ибо "Русско-французский словарь" под ред. Л. В. Щербы переводит глаголы *шмыгать* и *шнырять* сочетанием *cougir par-ci par-la*. Лингвистический компонентный анализ позволяет проверить правильность перевода отдельного слова. Так, в приведенной фразе подзатыльник переводится *calotte*, тогда как тот же словарь дает иной эквивалент: *taloche*.

Расхождение в структуре предложения с использованием глаголов-конверсивов – типичное средство достижения эквивалентности при переводе, касающемся французского и русского языков.

Мы видим, что лингвистически можно объяснить и обосновать закономерность, а следовательно, и адекватность самых разных явлений при переводе. Соотношение между сопоставительным исследованием и переводческим анализом может быть описано так: "контрастивист", прагматически определяя адекватность перевода во всех его параметрах (семантика, стиль и т. п.), сопоставляет его с подлинником и индуктивно получает межъязыковые соответствия, которые затем подвергаются проверке путем дедукции, на основе лингвистической теории. Эти выводы, в свою очередь, могут служить объективно орудием при анализе перевода.

При использовании перевода как источника для лингвистического исследования необходимо преодолеть случайность и субъективизм со стороны переводчика. Для этого нужно опираться на статистические данные. Мы можем считать, что обнаруживаем объективное соответствие между формами двух языков, если встречаемся с одним и тем же явлением перевода неоднократно, при переводе различных авторов, разными переводчиками, при переводе с данного языка и на тот же язык.

В оценке перевода, по-видимому, целесообразно различать два "этажа". На высшем "этаже" оценка основывается на адекватности реакции реципиента перевода. В литературе правильно указывалось, что этот критерий не поддается формализации и практически не используем [6]. Тем более можно добавить, что разные люди различно реагируют не только на подлинник и перевод, но и на один и тот же текст, особенно художественный. Языку свой-

ственна принципиальная вариативность средств выражения. Во многих случаях выбор между синонимами не релевантен в речи и здесь также искать объективные критерии оценки невозможно. Но на менее высоком "этаже" перевод может быть оценен с его "технической" стороны, в отношении адекватности используемых средств. При этом под технической стороной понимаются не только слова и конструкции, но стилистические особенности, звучание, прагматика текста в социальном аспекте. При оценке на этом уровне, как было показано выше, сопоставительный анализ может принести большую пользу, так как во многих случаях он позволяет обнаружить, что данное решение переводчика является не случайным, но отражает межъязыковые закономерности.

Для устранения индивидуально-субъективного в определении адекватности перевода предлагается использовать методы анкетирования. Это вполне закономерный прием. Однако и здесь, как это имеет место всегда, когда анкета касается языковой нормы, каждый анкетиремый будет исходить из своей языковой компетенции, в данном случае из своего интуитивного представления о расхождениях между двумя языками. Но переводчики и редакторы в своей работе также исходят из своей языковой компетенции, касающейся корреляции двух языков. Поэтому анализ способов перевода однотипных явлений в ряде разных переводов может рассматриваться как своего рода анкетирование, объектом которого выступают сами специалисты-практики перевода.

Сопоставление опубликованных переводов с подлинниками - лучший способ разработать общую и частную теорию перевода (при условии, как отмечалось выше, сочетания индукции с дедукцией). Знание материалов сопоставительного анализа позволяет переводчику работать увереннее и точнее, знакомит его с прецедентами, покажет ему, какие вообще изменения возможны и допустимы при переводе. На уровне форм эти изменения сводятся к трансформациям морфолого-синтаксического характера. Более сложны преобразования на семантическом уровне, но и они поддаются исчислению, поскольку в конце концов сводятся к общим логическим отношениям между понятиями, такими как расширение и сужение, отношения по смежности и противоположности, метафорические и метонимические переносы. Особенно важны последние, отражающие устойчивые предметные отношения между эле-

ментами описываемой действительности. Анализ переводов позволяет вскрыть характерные расхождения, которые почти невозможно предвидеть, если ограничиваться лишь внутриязыковым перифразированием. Как бы ни различались способы описания ситуации в подлиннике и переводе, если этот перевод адекватен, всегда можно обнаружить характерные типы семантических переходов. В статье В. Н. Комиссарова и Г. Я. Туровера [7] приводится пример перевода фразы из романа "Путь наверх": I couldn't go wrong - "Я чувствовал необычайную уверенность в себе". При внешней несхожести между словами оригинала и перевода имеется закономерная корреляция на семантическом уровне. Английская фраза буквально значит: "Я не мог потерпеть неудачу". Глагол 'мочь' (во многих языках) при соотносительности с не-будущим действием выражает не физическую способность совершения действия (как, напр., в предложении "Я могу прийти к вам завтра"), но гипотетичность (ср.: "Я мог ошибиться" - "Возможно я ошибся"), При отрицательной форме он выражает уверенность: "Я не мог ошибиться" - "Конечно, я не ошибался". Переводчики использовали это дважды антонимическое отношение ("Конечно, меня ожидал успех"). Логическое соотношение причины и следствия позволило перейти к фразе: "Конечно, меня ожидал успех" -> "Я чувствовал необычайную уверенность в себе". Так, семантико-логический анализ проявляет адекватность двух высказываний (возникает лишь вопрос об уместности интенсификатора "необычайный").

Сопоставительный анализ показывает особенности описания однотипной ситуации средствами разных языков. Здесь прежде всего возникает проблема избыточности или экономии речи при описании ситуации, а также ее описание с разных сторон (векторные и разноаспектные номинации). В упомянутой выше статье приводится фраза Р. Бредбери с переводом на русский язык: A moment later she sat up, startled, gasping - "Мгновение спустя она испуганно выпрямилась в кресле, прерывисто дыша" (с. 27). На первый взгляд, решение переводчика ввести в перевод слова "в кресле" может показаться субъективным или произвольным, хотя это явно вытекает из описываемой ситуации. Однако, сравнивая русские и французские тексты, мы обнаруживаем аналогичные факты. Вот сегменты фраз из романа И. С. Тургенева "Дым" и его перевода, опубликованного во Франции. [8]

Один из молодых генералов привстал со стула.

Un des plus jeunes généraux se leva.

Он поднялся с постели.

Il se leva.

Он вышел из дому, погулял немного.

Il sortit, se promena un peu.

Это наводит на мысль, что в русском языке избыточно употребляется обозначение места при описании положения или движения человека, когда речь идет о таких ясных из ситуациях локализаторах, как сиденье, постель, комната, двор, дом, улица и т. п. Поэтому при переводе французской фразы *Et elle sortit* (Флобер) будет закономерным введение дополнения, соответствующего ситуации: "И она вышла во двор", и, напротив, при переводе русской фразы: "У Ирины болит голова. Она лежит в постели и не встает" (Тургенев) можно и должно опустить указание на место: *Irene avait mal a la tete, elle etait couchee et ne se leverait pas avant le soir*.

Сопоставление переводов наглядно показывает функционирование слов и форм в речи, в непосредственной соотнесенности с ситуацией. Большое значение приобретает здесь пресуппозиция, которая включает в себя энциклопедические знания говорящих и их знания о конкретной ситуации в момент речи ("широкая" и "узкая" пресуппозиция). Она позволяет устранять обозначение того или иного элемента ситуации в соответствии с нормами построения речи на данном языке. Касаясь возможности преобразования типа "Он услышал собачий лай" -> "Он услышал собаку" Ю. Д. Апресян полагает, что они затрагивают узкий класс контекстов, ибо "мы можем слышать собаку не только, когда она скулит, воеет или скребется в дверь" [9]. Однако здесь следует различать два случая. Среди проявлений предмета, действий, совершаемых им или над ним, имеются такие, которые являются наиболее типичными, неотмеченными, нормативными. Представление об этих атрибутах объекта входит в широкую пресуппозицию говорящих. Эти свойства предмета отражают устойчивые отношения между объектами действительности и описываются логикой как его диспозициональные предикаты. Именно указания на такие действия и свойства можно "зачеркнуть" при перефразировании или при переводе. Так, например, собака может и лаять, и скулить, и скрестись в дверь, но именно лай - в русском языке - обозначает типичное голосовое поведение собаки. Остальные дей-

ствия - скулить, вить и т. п. - "отмеченные", специфические, они могут быть не упомянуты лишь в условиях "узкой" пресуппозиции, когда, например, об этом сообщалось в предыдущей фразе. Итак, перефразирование "Он у слышал собачий лай" - "Он услышал собаку" вполне нормальное (напр., для французского языка) и не вносит ничего нового в информацию, тогда как преобразование "Он услышал как собака скребется" - "Он услышал собаку" носит не языковой характер, но сугубо речевой и допустимо лишь в узком контексте.

С различным отображением разными языками устойчивых предметных отношений мы встречаемся на каждом шагу. Нас не смущает, что предложение "Дом стоит на углу" мы переводим на английский или французский язык с глаголом общего значения типа быть, игнорируя как бы вертикальное положение объекта, поскольку стоять - нормальное положение дома, представление о котором входит в общую широкую пресуппозицию. Другое дело, если дом занимает нетипичную позицию, например: покосился. В таком случае мы должны обязательно воспроизвести глагол при переводе. Таким образом, правило, согласно которому слово при переводе (перефразировании) может опускаться, если оно отражает устойчивые, входящие в общую пресуппозицию связи и признаки объекта, и должно семантически воспроизводиться, если оно обозначает необязательные признаки, охватывает широкий круг контекстов и позволяет объяснить многие реальные преобразования при переводе.

Сопоставление текстов с учетом изменений лексико-грамматических форм, семантических соответствий, логических корреляций и связей и экстралингвистической действительности, позволяет исчерпывающим образом вывести закономерности перевода, отражающие компетенцию лиц, владеющих двумя языками, закономерности, которые, в свою очередь, могут послужить орудием объективной оценки ряда существенных аспектов самих переводов.

1. Бархударов Л.С. О поверхностной и глубинной структуре предложения // Вопросы языкознания. - 1973. - №3 - с. 50-61

2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975 - 190с.

3. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп.-М.: Изд-во УРАО, 2000. - 208с.

4. Russia.-Серия: Казакова Т.А. Практические основы перевода. English Изучаем иностранные языки. - СПб.: "Издательство Союз", - 2000, - 320с.

5. Комиссаров В.Н. Слово о переводе – М.: Международные отношения – 1973 – 215с.
6. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода – М.: Международные отношения – 1980 – 167с.
7. Латышев Л.К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. – М.: Международные отношения, 1981 – 248с.
8. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания: Книга для учителя школ с углубленным изучением немецкого языка. – М.: Просвещение – 1988. – 159с.
9. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Пособие по переводу с английского языка на русский. – М.: Высшая школа, 1973. – 136с.
10. Львовская Э.Д. Теоретические проблемы перевода (на материале испанского языка). – М.: Высшая школа, 1985. – 232с.
11. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода – М.: Московский лицей, 1996. – 208с.
12. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? /Ответственный редактор М.Я.Блох.-М.: "Готика", 1999. – 176с.
13. Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания /А.Чужакин, П.Палажченко. – М.: Р.Валент, 1999.-192с.
14. Рецкер Я.И. Следует ли передавать аллитерацию в публицистическом переводе? "Тетради переводчика" №3, М., 1966, с.73
15. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, - 1974. – 216с.
16. Рецкер Я.И. Что же такое лексические трансформации? "Тетради переводчика" №17, М.: Международные отношения, 1980, с.72-84
- * * *
- Бул мақалада аударма туралы тусінік пен оның ерекшеліктері айтылады.
- * * *
- This article says about the notions of the translation and its peculiarities.

А. Ж. Толеуханова

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ В ПЕРЕВОДЕ

Цель статьи. Рассмотреть культурные явления в переводе, значимость культуры в переводе, потому что, перевод является не только лингвистическим процессом, но и культурным процессом. Это – акт коммуникации между культурами. Также Бреус Е.В. в своих работах подтверждает: «Перевод — это процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе целенаправленного переводческого анализа исходного текста создается вторичный, переводящий текст, заменяющий исходный в новой языковой и культурной среде». [1;19]

Процесс перевода всегда имеет два неразделимых аспекта — язык и культуру. Язык и культура взаимосвязаны. Язык не только отражает культурную реальность, но и придает ей форму. Поэтому мы можем сделать перевод более ясным, если будем согласовывать смысл лингвистического элемента с культурным контекстом.

Переводчик постоянно сталкивается с «культурно-окрашенными» контекстами даже в самых тривиальных ситуациях». [2;99]

Существует множество языков, и в каждом языке своя грамматика, лексика, семантика, и поэтому в каждом из них своя картина мира.

Особенно это заметно в употреблении слов, то есть в лексике национального языка.

Поэтому исследователи изучая отражение культуры в языке выделили новый термин «культурный компонент».[3;27] Это понятие «социально-культурный компонент значения» впервые ввел американский ученый Ч.Фриз. [3;22] Также Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров говорили, что национально-культурная семантика выражается в семантических долях, «...которые не касаются прямо номинации, но благодаря которым люди удерживают в памяти знания о мире».[3;27]

И.Ю. Марковина и Ю.А. Сорокин к компонентам культуры, несущих национально-специфическую окраску, относят следующие: традиции, а также обычаи и обряды, традиционнo-бытовую культуру, повседневное поведение, «национальные картины мира», художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса. «Специфическими особенностями обладает и сам носитель национального языка и культуры. В межкультурном общении необходимо учитывать особенности национального характера коммуникантов, специфику их эмоционального склада, национально-специфические особенности мышления». [4;77]